

Денис Алексеев

Радио "Лето-77"



Денис Алексеев

Радио "Лето-77"

<https://litres.ru/74106403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим, аудиореставратор из Петербурга, находит на барахолке ламповое радио «Спидола-103». Прибор ловит частоту 1977 года: голос ведущей Ларисы транслирует не прошлое, а будущее героя.

Предсказания сбываются с пугающей точностью, но каждое услышанное слово стирает яркие воспоминания Максима. Когда эфир предрекает катастрофу и уход любимой девушки, Максим оказывается перед выбором: плыть по течению рока или бороться за свободу воли ценой собственной памяти.

Мистический триллер о цене знаний, силе ностальгии и способности человека менять судьбу, даже когда кажется, что все уже записано на пленку.

Содержание

Глава 1. Шум между станциями	4
Глава 2. Голос из ниоткуда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Денис Алексеев

Радио "Лето-77"

Глава 1. Шум между станциями

Санкт-Петербург встречал осень не золотом листвы, а серой, липкой меланхолией, которая проникала под кожу вместе с мелким дождем. Небо над Невой напоминало грязную вату, плотно закупорившую городскую банку, из которой никак не вытряхнуть застоявшийся воздух. Максим стоял у окна своей квартиры на пятом этаже старого фонда, глядя, как капли стекают по мутному стеклу, оставляя за собой кривые, дрожащие следы, похожие на кардиограмму умирающего сердца. Ему было тридцать лет, возраст, когда юношеская бесшабашность уже выветрилась, а взрослая мудрость еще не наступила, оставив вместо себя лишь звонкую пустоту и привычку анализировать каждый свой шаг, словно он был ошибкой в коде программы. Максим работал аудиореставратором. Его жизнь состояла из чужих голосов, застрявших во времени. Он сидел в темной комнате, окруженный мониторами и сложными графическими интерфейсами, и вычищал шумы из старых пленок, удалял треск винила, выравнивал частоты, чтобы голоса мертвых певцов или забытых политиков звучали чисто и ясно для современных ушей. Он был хи-

ругром прошлого, но сам чувствовал себя пациентом, который медленно теряет связь с настоящим. В его работе была своя ирония: он спасал звуки от забвения, но не мог спасти от забвения собственные воспоминания. Они тускнели, как старые фотографии, теряя контраст и четкость, пока не превращались в размытые пятна света и тени. В тот вечер тишина в квартире давила на уши сильнее, чем любой городской гул. Аня уехала к родителям в Выборг на выходные, сославшись на необходимость «перезагрузиться». Это слово стало их общим эвфемизмом для всего, что они не хотели обсуждать напрямую: охлаждение чувств, накопившиеся обиды, страх перед будущим, которое казалось им обоим слишком тяжелым грузом. Максим остался один с котом Барсиком, который лениво потягивался на диване, игнорируя хозяйское одиночество, и с гулом холодильника, который казался единственным живым существом в доме. Чтобы заглушить внутреннюю пустоту, Максим решил пойти на блошинный рынок у Сенного рынка. Он любил эти места не за вещами, а за атмосферой. Здесь время текло иначе, замедляясь среди ржавых механизмов, пожелтевших книг и посуды с отбитыми краями. Каждый предмет здесь имел историю, пусть и чужую, но осязаемую. Это давало иллюзию причастности к чему-то большему, чем его собственная серая рутина. Дождь усилился, превращаясь в холодный ливень, когда Максим добрался до рынка. Торговцы уже сворачивали свои палатки, пряча товар под полиэтилен, но один старик

сидел под навесом, укутавшись в старый военный бушлат, и курил трубку. Перед ним на расстеленном брезенте лежал хаос из радиодеталей, ламп и корпусов от старой техники. Взгляд Максима скользнул по этому хламу и остановился на массивном деревянном ящике с решетчатой передней панелью.— Что это? — спросил Максим, приседая на корточки, чтобы рассмотреть прибор поближе. Старик поднял на него мутные глаза, прищурившись сквозь дым.— «Спидола-103». Рижская сборка, семьдесят третий год. Ламповая. Тяжелая, как грех. Работает плохо, ловит только помехи. Но душа есть. Максим протянул руку и коснулся теплой древесины. Корпус был сделан из настоящего дерева, не пластика, пахнувшего химией, а дерева, которое помнило руки мастеров. Решетка динамика была слегка помята, ручка настройки стерта до блеска от тысяч прикосновений. Внутри, сквозь щели, виднелось слабое оранжевое свечение ламп, хотя прибор был выключен. Это показалось Максиму странным оптическим обманом, игрой света фонарей, но ощущение тепла осталось на пальцах.— Сколько? — спросил он, не отрывая взгляда от прибора.— Две тысячи. Или просто заберите. Мне она больше не нужна. Голоса в ней неправильные стали. Максим усмехнулся. Старик, видимо, любил мистику или просто хотел избавиться от хлама. Он достал купюры и расплатился, чувствуя странное облегчение, будто совершал ритуал, а не покупку. Старик быстро сгрёб деньги, даже не пересчитав, и отвернулся, словно боялся, что Мак-

сим передумает. Дорога домой прошла в молчании. Максим нес радио под мышкой, чувствуя его вес и тепло. Оно казалось живым существом, которое дышало ему в бок, синхронизируя свой ритм с его сердцебиением. Дождь барабанил по капюшону куртки, смывая городскую пыль, но внутри Максима нарастало беспокойство. Он чувствовал, что привез в дом нечто большее, чем просто старый приемник. Квартира встретила его привычной тишиной. Барсик даже не поднял головы, продолжая спать на подушке. Максим поставил радио на письменный стол, рядом с компьютером, где на экране застыла волновая форма очередного реставрируемого трека. Контраст был разительным: холодный синий свет монитора и теплый, янтарный оттенок деревянного корпуса «Спидолы». Максим включил прибор в сеть. Ничего не произошло. Лампы не зажглись, динамик молчал. Максим постучал по корпусу, покрутил ручки громкости и настройки. Тишина. Он уже хотел выдернуть шнур из розетки, списав все на очередной брак с блошиного рынка, как вдруг внутри прибора раздался тихий щелчок. Одна за другой начали разогреваться лампы, наполняя комнату мягким оранжевым светом. Воздух вокруг радио стал плотнее, теплее, пахло озоном и старой пылью. Максим осторожно повернул ручку настройки. Из динамика полился статический шум — белый шум, ровный и монотонный, как дыхание спящего великана. Он крутил ручку дальше, пытаясь поймать хоть какую-то волну. FM-диапазон был пуст. Ни современных хи-

тов, ни новостей, ни рекламы. Только шум. Глубокий, всепоглощающий шум, в котором иногда проскальзывали обрывки непонятных звуков: скрип, шепот, далекий смех.— Бред, — пробормотал Максим, чувствуя разочарование. — Просто старое железо. Он собирался выключить радио, как за окном грохнул гром. Гроза, которую синоптики обещали еще утром, наконец-то разразилась над городом. Молния вспыхнула за окном, осветив комнату резким белым светом, и в этот момент ручка настройки сама собой дрогнула, словно от вибрации дома. Максим отдернул руку, но было поздно. Частота изменилась. Шум резко оборвался. На секунду повисла абсолютная тишина, такая звонкая, что Максим услышал биение собственного сердца. А затем из динамика полилась музыка. Это была не просто музыка. Это был звук, который обволакивал, согревал, возвращал в то время, когда мир казался простым и понятным. Мощный бас, ритмичные хлопки, узнаваемый с первых нот мотив. Boney M. «Daddy Cool». Максим замер. Он знал эту песню. Ее часто ставили на ретро-вечеринках, ее слышали в фильмах о семидесятых. Но качество звука было невероятным. Не цифровое, очищенное, а живое. С легким шипением винила, с теплотой аналоговой записи. И голос ведущей. Женский, бархатный, с легкой хрипотцой и искренней улыбкой в каждом слове.— Добрый вечер, дорогие друзья! Вы слушаете радио «Лето-77». За окном июльская жара, а в наших сердцах — вечное лето. С вами Лариса, и сейчас для вас танцевальный хит но-

мер один. Танцуйте, любите, живите! Максим посмотрел на часы на стене. Стрелки стояли на месте. Он перевел взгляд на наручные часы. Они тоже остановились. Даже цифровой дисплей на микроволновке погас. Время в квартире замерло, подчиняясь ритму музыки из прошлого. Он подошел к радио, боясь дышать. Музыка играла, голос Ларисы звучал так близко, словно она сидела в углу комнаты. Дата в эфире, которую она упомянула вскользь, говоря о погоде: «Двенадцатое июля, среда». — Двенадцатое июля семьдесят седьмого года, — прошептал Максим. Это было невозможно. Радиостанции с таким названием не существовало в его базе данных. Частота, на которой он находился, судя по шкале прибора, была 104.4 МГц. Он жил в центре Петербурга, где эфир был забит десятками станций. Но 104.4 была мертва. Или занята глушилками. Или просто не существовала в этом диапазоне для этого региона. Максим схватил телефон, чтобы проверить информацию в интернете, но экран смартфона был черным. Телефон не реагировал на нажатия. Он попробовал включить компьютер — тот же результат. Вся электроника в квартире вышла из строя, кроме радио. Оно жило своей жизнью, питаясь от сети, но игнорируя законы физики. Музыка закончилась. Наступила пауза, заполненная лишь легким фоновым шумом, похожим на шелест листьев. — А теперь, дорогие мои, рубрика «Письма слушателей», — голос Ларисы стал чуть тише, интимнее. — Сегодня мы получили письмо от молодого человека из Ленинграда. Он пишет о

том, как сложно быть самим собой в мире, который требует масок. Он боится остаться один, боится, что его любовь окажется иллюзией. Знаешь, друг, одиночество — это не приговор. Это пространство, где ты можешь услышать собственный голос. Не бойся тишины. В ней скрыты ответы. Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок. Эти слова... они были слишком точными. Слишком личными. Он действительно думал об этом сегодня утром, стоя под душем. Он боялся, что Аня уйдет, потому что он стал слишком предсказуемым, слишком «удобным». Он боялся тишины в их отношениях, которая стала громче любых ссор. Но это могло быть совпадением. Общие фразы, которые подходят любому тридцатилетнему мужчине в большом городе. Максим попытался успокоить себя логикой. Он аудиореставратор, он знает, как работают эффекты дежавю, как мозг ищет паттерны там, где их нет. Однако радио продолжало вещать. Лариса говорила о погоде, о новых пластинках, о предстоящем фестивале песни. Ее голос был наполнен такой жизненной энергией, такой верой в завтрашний день, что Максим почувствовал зависть. В ее мире не было тревог о кредитах, карьерных тупиках, экзистенциальных кризисах. Там было только лето, музыка и надежда. Он сел на стул, не сводя глаз с прибора. Лампы внутри мягко пульсировали, создавая гипнотический эффект. Тепло, исходящее от радио, распространялось по комнате, вытесняя сырость и холод. Максим закрыл глаза и позволил себе погрузиться в этот поток. На мгновение он

забыл, где находится. Забыл про stopped часы, про черный телефон, про Аню в Выборге. Он оказался там, в 1977 году, где лето было бесконечным, а будущее — чистым листом. Когда передача закончилась, и эфир снова заполнился статическим шумом, Максим открыл глаза. Часы на стене все еще стояли. Но вдруг стрелка секунд дернулась и пошла вперед. Затем минуты. Компьютер мигнул и включился, показывая рабочий стол. Телефон завибрировал, засыпав уведомлениями. Реальность вернулась, но что-то изменилось. Воздух в комнате стал другим. Более плотным. Заряженным. Максим посмотрел на радио. Оно выглядело обычным старым приемником. Но теперь он знал, что это не так. Он протянул руку и коснулся теплой древесины. — Кто ты? — тихо спросил он в пустоту. Радио молчало. Но в глубине динамика, среди белого шума, ему послышался едва уловимый вздох. Или это был просто сквозняк? Максим встал и подошел к окну. Дождь прекратился. Над городом висело низкое небо, разрисованное редкими звездами. Он посмотрел на свое отражение в стекле. Лицо было бледным, глаза широко раскрыты от страха и возбуждения. Он чувствовал себя человеком, который случайно нашел дверь в другую комнату своего же дома, комнату, о существовании которой не подозревал. Он вернулся к столу и взял блокнот. Рука дрожала, когда он начал писать: *«27 июня 2026 года. Купил радио Спидола-103. Частота 104.4 МГц. Ведущая Лариса. Дата эфира: 12.07.1977. Время в квартире останавливается. Электро-*

ника отключается. Голос... слишком реальный.» Он перечитал написанное. Это выглядело как бред сумасшедшего. Но тепло от радио все еще ощущалось на кончиках пальцев. И запах озона не выветривался. Максим понял, что не сможет спать этой ночью. Слишком много вопросов, слишком много странностей. Он включил настольную лампу, отодвинул радио немного в сторону, чтобы оно не доминировало в поле зрения, но оставил его включенным. Шум теперь казался ему не раздражающим, а успокаивающим. Как шум моря. Или шум времени. Он сел за компьютер и открыл поисковик. Ввел: «Радио Лето-77», «Ведущая Лариса 1977», «Частота 104.4 МГц Ленинград». Результатов не было. Ни одного упоминания. Пустота. Тогда он ввел: «Пожар в гостинице Россия 1977». Выскочили сотни ссылок. Трагедия, унесшая жизни сотен людей. Дата: февраль 1977 года. Максим задумался. Почему именно эта ассоциация пришла ему в голову? Он не искал информацию о пожарах. Это было случайное воспоминание, всплывшее из глубины памяти. Или нет? Он посмотрел на радио. Лампы горели ровно, спокойно. Никаких намеков, никаких подсказок. Только шум. Вдруг из динамика раздался короткий, четкий звук. Щелчок. Будто кто-то переключил тумблер. И затем, совсем тихо, почти неразборчиво, прозвучало одно слово:— «Слушай...» Максим вскочил со стула, опрокинув кружку с остывшим кофе. Темная лужа растеклась по столу, капая на пол. Он не обратил на это внимания. Его взгляд был прикован к радио.—

Что? — спросил он, чувствуя, как горло сжимается от спазма. Тишина. Только шум. Максим медленно опустился обратно на стул. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках. Он понял, что только что переступил черту. Раньше это была просто любопытная находка, странный артефакт. Теперь это было приглашение. Или предупреждение. Он посмотрел на разлитый кофе. Темная жидкость медленно приближалась к краю стола. Максим не стал ее вытирать. Пусть течет. Пусть будет хаос. Потому что порядок, который он так тщательно выстраивал в своей жизни, дал трещину. И через эту трещину просачивалось нечто древнее, мощное и непознаваемое. За окном пронеслась машина, ее фары выхватили из темноты мокрый асфальт. Жизнь города продолжалась, равнодушная к тому, что в одной из квартир на пятом этаже старого фонда только что изменилась ось мира. Максим взял телефон. Экран светился нормально. Он открыл сообщения. Последнее от Ани: *«Все хорошо. Скучаю. Вернусь в воскресенье».* Он хотел ответить, но пальцы зависли над клавиатурой. Что он мог написать? «Привет, я купил радио, которое вещает из прошлого, и, кажется, оно со мной говорит»? Она бы подумала, что он сошел с ума. Или, что хуже, посочувствовала бы его стрессу и предложила сходить к психологу. Он удалил набранный текст и положил телефон экраном вниз. Сейчас ему нужно было думать. Анализировать. Как аудиореставратор, он умел выделять сигнал из шума. Нужно было найти закономерность. Почему именно он?

Почему именно это радио? Что связывает 1977 год и его настоящее? Он вспомнил слова старика на рынке: «Голоса в ней неправильные стали». Что это значило? Были ли другие слушатели? Или старик просто бредил? Максим решил провести эксперимент. Он взял диктофон, который использовал для работы, и направил микрофон на динамик радио. Нажал запись.— Проверка связи. Эфир радио «Лето-77». Дата: 27 июня 2026 года. Он говорил в течение минуты, описывая происходящее. Затем остановил запись и прослушал ее. В файле была только тишина. Абсолютная, цифровая тишина. Ни шума, ни его голоса, ни музыки. Пустота.— Работает только здесь и сейчас, — прошептал Максим. — Нельзя сохранить. Нельзя передать. Это делало радио еще более загадочным и опасным. Оно существовало вне информационных потоков современного мира. Оно было аналоговым островом в цифровом океане. Максим почувствовал усталость. Адреналин начал спадать, оставляя после себя тяжесть в теле. Он понимал, что не сможет разобраться во всем этом за одну ночь. Нужно было спать. Но страх закрывать глаза был сильнее усталости. А что, если во сне радио продолжит вещать? А что, если голоса станут громче? Он решил оставить свет включенным. И радио тоже. Пусть горит. Пусть шумит. Он будет слушать. Максим лег на диван, не раздеваясь, накинув на себя плед. Барсик проснулся, потянулся и прыгнул ему на грудь, устраиваясь поудобнее. Кот мурлыкал, чувствуя тепло, исходящее от радио. Максим погладил мяг-

кую шерсть, чувствуя ритмичное мурлыканье, которое синхронизировалось с пульсацией ламп. Глаза слипались. Шум из динамика превращался в колыбельную. Максим боролся со сном, повторяя про себя факты, которые он успел установить. Но мысли путались, становились вязкими. Последнее, что он увидел перед тем, как провалиться в сон, был оранжевый свет ламп, отражающийся в темном окне. И в этом отражении ему показалось, что за его спиной стоит женщина в платье в горошек, с микрофоном в руке. Она улыбалась. И губы ее шевелились, произнося слова, которые он не мог слышать, но смысл которых проник в его сознание напрямую, минуя уши: «Добро пожаловать в эфир, Макс». И тогда он понял, что она знает его имя. Сон пришел внезапно, тяжелый и без сновидений. Радио продолжало шуметь, охраняя его покой, храня тайны лета, которое никогда не заканчивалось. А за окном, над спящим Петербургом, начинало светлеть небо, предвещая новый день. День, который уже был записан на невидимую пленку времени. Максим спал, но часть его сознания оставалась настороже, прислушиваясь к ритму прошлого. Он не знал, что эта ночь станет последней ночью его обычной жизни. Что завтра начнется отсчет дней, которые ему предстоит пережить заново, исправляя ошибки, которых еще не совершил. Радио «Спидола-103» тихо гудело, нагревая воздух вокруг себя. Лампы внутри мерцали в такт дыханию спящего хозяина. И в этом мерцании, в этом тепле, в этом шуме между станциями, зарождалась ис-

тория, которая изменит все. История о том, как человек научился слушать тишину. И услышал в ней свой собственный голос.***Утро наступило незаметно. Серый свет пробился сквозь шторы, освещая пыль, танцующую в лучах. Максим открыл глаза и первым делом посмотрел на радио. Оно работало. Лампы горели. Но эфир был пуст. Только статический шум. Он встал, чувствуя себя разбитым, словно пробежал марафон. Тело ныло, голова была тяжелой. Но разум был ясен. Остро ясен. Он подошел к радио и выключил его. Щелчок прозвучал громко в утренней тишине. Лампы погасли, тепло начало рассеиваться. Максим посмотрел на часы. Они шли правильно. Телефон работал. Компьютер был в режиме сна. Все вернулось на свои места. Но он знал, что ничего не вернулось. Он взял кружку, чтобы налить кофе, и заметил, что рука не дрожит. Страх ушел, уступив место решимости.— Хорошо, Лариса, — сказал он в пустоту. — Давай играть. И впервые за долгое время Максим улыбнулся. Не той вежливой, социальной улыбкой, которую он носил как маску, а настоящей, искренней улыбкой человека, который нашел игру, в которую хочет играть, даже если ставки высоки. Он включил чайник и стал ждать, когда закипит вода. За окном просыпался город. Гудели трамваи, кричали птицы, начинался обычный день. Но для Максима этот день уже не был обычным. Он был первым днем новой эры. Эры, где прошлое и будущее сплелись в тугий узел, и только он мог его развязать. Или затянуть еще туже. Максим сделал

глоток горячего кофе и почувствовал, как тепло разливается по телу. Он был готов.

Глава 2. Голос из ниоткуда

Прошло три дня с той ночи, когда мир Максима дал трещину. Три дня, которые он прожил в состоянии странного, лихорадочного ожидания, словно человек, стоящий на перроне и ждущий поезда, который должен был прийти по расписанию, составленному не людьми, а самой судьбой. «Спи-дола-103» стала центром его вселенной, черной дырой, поглощающей все его внимание, время и эмоции. Он перестал ходить на работу, сославшись на мигрень, хотя голова у него болела лишь от недосыпа и постоянного напряжения. Он отключил телефон, игнорируя звонки коллег и редкие, вежливые сообщения от Ани, которая все еще была в Выборге. Квартира превратилась в бункер, где единственным источником света и звука было старое ламповое радио.

Максим выработал ритуал. Каждую ночь, ровно в одиннадцать часов, когда город за окном затихал, погружаясь в свой свинцовый сон, он включал прибор. Ручка настройки поворачивалась с легким сопротивлением, издавая тихий скрип, похожий на вздох старого дерева. И каждый раз, преодолев полосу белого шума, он находил ту самую частоту — 104.4 МГц. Точку в эфире, которой не существовало.

В эти первые ночи эфир был наполнен бытовыми мелочами, фрагментами жизни, настолько обыденными, что они казались сюрреалистичными в своей простоте. Лариса, чей

голос стал для Максима единственной нитью, связывающей его с реальностью, говорила о вещах, которые давно исчезли из обихода или трансформировались до неузнаваемости.

— Дорогие друзья, сегодня в магазине на углу Невского и Литейного снова привезли арбузы, — звучало в динамике в первую ночь. — Очередь выстроилась еще с утра. Люди стоят, шутят, делятся новостями. Кто-то говорит о новой выставке в Эрмитаже, кто-то обсуждает рецепт домашнего кваса. Помните этот запах? Запах спелой дыни и раскаленного асфальта? Это и есть лето. Не то, что за окном, а то, что внутри нас.

Максим сидел в темноте, обхватив колени руками, и слушал. Он пытался представить эту картину: Ленинград семидесть седьмого года, люди в легких платьях и рубашках, ожидание чего-то простого и радостного. В его времени арбузы можно было купить в любом супермаркете круглый год, но они были безвкусными, водянистыми, лишенными того самого запаха солнца. Он почувствовал острую тоску по времени, в котором никогда не жил. Тоску по искренности, по медленному течению жизни, где ценность момента определялась не количеством лайков, а глубиной переживания.

Во вторую ночь Лариса читала письмо от девушки, которая впервые поцеловалась у кинотеатра «Ленфильм».

— Она пишет, что сердце билось так громко, что ей казалось, его слышно на всей улице. Что мир вокруг замер, и остались только они двое и шум проектора за стеной. Знаете,

дорогие мои, первый поцелуй — это всегда маленькое чудо. Это момент, когда время останавливается, чтобы дать нам возможность запомнить вкус счастья. Не бойтесь любить. Не бойтесь быть смешными в своей искренности.

Максим закрыл глаза. Он вспомнил свой первый поцелуй с Аней. Это было пять лет назад, в парке на Елагине острове. Тогда тоже пахло летом, сиренью и мокрой землей. Они сидели на скамейке, молчали, боясь нарушить хрупкость момента. А потом он наклонился, и мир действительно замер. Но сейчас, вспоминая тот день, он чувствовал не тепло, а холод. Потому что знал, чем все закончится. Или чем может закончиться. Страх потери отравил воспоминание, сделав его горьким.

Радио же предлагало ему иной взгляд. Взгляд, где каждый момент был ценен сам по себе, независимо от будущего. Где счастье не было условным, а было абсолютным.

На третью ночь эфир был посвящен потерям.

— Сегодня мы говорим о ключах, — голос Ларисы стал чуть серьезнее. — Один из наших слушателей потерял ключи от квартиры. Он искал их весь день, переворачивая карманы, сумки, всю квартиру. И знаете, что он нашел? Не ключи. Он нашел старую фотографию, которую считал утерянной навсегда. Фотографию своего отца, которого не видел десять лет. Иногда мы теряем одно, чтобы найти другое, более важное. Не бойтесь потерь. Они ведут нас к тому, что нам действительно нужно.

Максим усмехнулся в темноте. Цинизм, ставший его защитной реакцией, подсказывал, что это банальная психологическая уловка. Но внутри шевельнулось что-то теплое. Он действительно часто терял вещи. Ключи, документы, флешки. И каждый раз испытывал раздражение, чувство собственной неполноценности. А что, если Лариса права? Что, если хаос — это часть порядка, который он просто не видит?

Эти передачи действовали на него как гипноз. Голос Ларисы был не просто звуком. Он был физическим ощущением. Максим чувствовал странное тепло, исходящее от прибора, которое распространялось по всему телу, расслабляя мышцы, снимая напряжение с плеч и шеи. Это тепло было живым. Оно напоминало прикосновение человеческой руки. Теплой, уверенной, заботливой руки. Ему казалось, что кто-то держит его за ладонь, успокаивая, говоря: «Все будет хорошо. Ты не один».

Это ощущение было одновременно и блаженством, и ужасом. Блаженством, потому что Максим страдал от хронического одиночества, даже находясь в отношениях. Аня была рядом, но между ними выросла стена из недосказанности и взаимных претензий. Радио давало ему иллюзию близости, понимания, принятия. Ужасом, потому что он понимал: эта близость иллюзорна. Лариса мертва. Ее голос — эхо. А тепло — всего лишь нагрев ламп.

Но разум отказывался верить в рациональное объяснение. Слишком много совпадений. Слишком много эмоций.

На четвертую ночь Максим решил провести эксперимент. Он хотел доказать себе, что это всего лишь запись. Архивная радиопередача, которую каким-то чудом поймало старое радио. Если это запись, ее можно зафиксировать. Можно изучить. Можно разоблачить.

Он достал профессиональный цифровой диктофон, который использовал для работы. Подготовил новый файл, проверил уровень заряда батареи, настроил чувствительность микрофона. Все было идеально. Техника, которой он доверял больше, чем людям.

В одиннадцать часов он включил радио. Нашел частоту. Лариса говорила о погоде.

— Завтра обещают грозу, — сказала она. — Не забудьте закрыть окна. И берегите свои мечты. Они хрупкие, как стеклянные елочные игрушки.

Максим нажал кнопку «Запись». Красный индикатор загорелся, сигнализируя о том, что процесс идет. Он говорил вместе с Ларисой, комментируя ее слова, чтобы на записи был его голос для сравнения.

— Это тест. Двадцать седьмое июня. Записываю эфир.

Передача длилась час. Максим слушал, иногда задавая вопросы в пустоту, на которые Лариса, конечно, не отвечала. Он чувствовал себя шпионом, пытающимся перехватить секретные данные. Когда передача закончилась и эфир заполнился шумом, он остановил запись.

Руки дрожали от волнения. Сейчас он узнает правду. Сей-

час магия рассеется, уступив место логике и фактам.

Он подключил диктофон к компьютеру, открыл аудиоредактор и загрузил файл. На экране появилась волновая форма. Максим напрягся, ожидая увидеть четкие пики голоса Ларисы и свои собственные комментарии.

Но экран оставался плоским. Прямая линия. Тишина.

Он проверил настройки. Все верно. Микрофон работал. Батарея была полной. Файл не был поврежден.

Максим запустил воспроизведение. Из колонок компьютера полилась абсолютная, мертвая тишина. Ни шума, ни голоса, ни щелчков. Пустота.

Он попробовал другой диктофон. Старый, аналоговый, на кассетах. Результат был тем же. Кассета прокручивалась, магнитная лента двигалась, но звук не записывался.

— Почему? — прошептал Максим, чувствуя, как холод пробегает по спине. — Почему ты не хочешь быть сохраненным?

Он посмотрел на радио. Лампы горели спокойно, равнодушно. Будто смеясь над его попытками подчинить непознаваемое законам техники.

И тогда Максим понял главное правило. Радио работало только «здесь и сейчас». Оно существовало в моменте присутствия. Его нельзя было законсервировать, нельзя было передать другому, нельзя было использовать как доказательство. Оно требовало полного погружения, полного доверия. Ты должен был быть здесь, слушать, чувствовать. Иначе ни-

чего не происходило.

Это делало радио не просто устройством, а собеседником. Живым существом, которое выбирало, с кем говорить, и когда молчать.

Максим выключил компьютер. Сел на пол перед радио, скрестив ноги. Он смотрел на оранжевое свечение ламп и чувствовал, как страх медленно трансформируется в нечто иное. В благоговение.

— Ты не запись, — сказал он тихо. — Ты настоящее.

Радио ответило легким потрескиванием, словно одобряя его вывод.

В следующие дни Максим перестал пытаться записывать эфир. Он просто слушал. Погружался в поток голосов, историй, музыки. Он начал замечать детали, которые раньше ускользали от его внимания. Интонации Ларисы менялись в зависимости от темы. Когда она говорила о любви, ее голос становился мягче, ниже. Когда шутила — выше, звонче. Когда предупреждала об опасности — в нем появлялась сталь.

Однажды, во время передачи о детских играх, Максим услышал смех. Не смех Ларисы, а детский, звонкий, беззаботный. Он раздался прямо из динамика, четко и ясно. Максим вздрогнул. Он огляделся по сторонам. В квартире никого не было. Барсик спал на подоконнике. Окна были закрыты.

— Кто там? — спросил он.

Смех прекратился. Лариса продолжила говорить, но ее го-

лос дрогнул.

— Дети... они видят то, что мы перестали замечать. Они слышат музыку ветра. Не забывайте, как играть.

Максим почувствовал мурашки. Этот смех был реальным. Не записанным. Настоящим. Значит, радио транслировало не просто звуки прошлого. Оно транслировало саму жизнь. Энергию, эмоции, моменты счастья, которые когда-то произошли и теперь отражались в эфире, как свет звезд, доходящий до нас спустя миллионы лет.

Но почему именно сейчас? Почему именно он?

Максим начал анализировать свои ощущения. Он заметил, что качество сигнала зависело от его эмоционального состояния. Когда он был спокоен, сосредоточен, открыт, голос Ларисы звучал чисто, музыка была объемной. Когда он нервничал, злился, сомневался, эфир заполнялся помехами, голос прерывался, становился глухим.

— Правило резонанса, — пробормотал он, делая пометку в блокноте. — Радио работает только когда я эмоционально вовлечен. Мои чувства — это антенна.

Это открытие пугало. Значит, он не просто пассивный слушатель. Он участник процесса. Его эмоции влияли на то, что он слышал. Его страх мог исказить сигнал. Его надежда — усилить его.

Максим вспомнил, как в детстве верил в волшебство. Как ждал Деда Мороза, как разговаривал с игрушками. Потом эта вера ушла, вытесненная логикой, цинизмом, взрослыми

проблемами. И вот теперь, в тридцать лет, он снова учился верить. Не слепо, а осознанно. Верить в то, что мир сложнее, чем кажется.

Но вместе с верой приходила и цена. Максим начал замечать странные провалы в памяти. Сначала они были едва заметными. Он забыл, куда положил ключи от почты. Потом забыл имя коллеги, с которым работал пять лет. Затем забыл сюжет фильма, который смотрел неделю назад.

Он списывал это на стресс, на недосып. Но однажды вечером, сидя перед радио, он попытался вспомнить лицо своего отца. Отец умер, когда Максиму было десять лет. Он помнил, что отец был высоким, с темными волосами. Помнил, что пах табаком и машинным маслом. Но лицо... Лицо было размытым пятном. Без глаз, без улыбки. Просто контур.

Максим испугался. Он закрыл глаза, пытаясь восстановить образ. Но чем сильнее он старался, тем дальше уходило воспоминание, растворяясь в тумане.

— Нет, — прошептал он. — Не это.

Он открыл глаза и посмотрел на радио. Лампы горели ярко, почти ослепительно. Ему показалось, что они стали ярче, чем обычно. Будто питались чем-то. Чем-то, взятым у него.

— Цена знания, — вспомнил он пункт из своего внутреннего чеклиста, который составил еще до того, как осознал правила игры. — Каждое предсказание забирает воспоминание.

Но Лариса еще не давала предсказаний. Только общие

фразы. Значит, цена была не за конкретную информацию, а за само подключение. За связь с другим временем. За нарушение границ реальности.

Максим почувствовал гнев. Холодный, липкий гнев. Он имел право на свои воспоминания. На свое прошлое. Никто не имел права забирать их у него, даже магическое радио.

— Хватит, — сказал он твердо. — Я не буду слушать, если ты будешь брать мое.

Он протянул руку, чтобы выключить прибор. Но в этот момент из динамика раздался голос. Не Ларисы. Другой. Мужской, хриплый, уставший.

— Не выключай, Макс.

Максим замер. Рука зависла в воздухе.

— Кто это? — спросил он, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

— Тот, кто был до тебя, — ответил голос. — И тот, кто будет после. Мы все платим одинаково. Воспоминаниями. Но взамен получаем шанс. Шанс услышать то, что важно.

— Какой шанс?

— Шанс изменить то, что кажется неизменным. Но будь осторожен. Память — это фундамент личности. Если ты потеряешь слишком много, ты рассыплешься.

Голос замолк. Эфир заполнился шумом. Лариса не появилась в эту ночь. Только мужской голос, предупредительный и печальный.

Максим сидел неподвижно, глядя на горящие лампы. Гнев

ушел, оставив после себя пустоту и страх. Он понял, что втянут в игру, правила которой до конца не знает. Что каждое прослушивание — это сделка с дьяволом, где валютой являются частицы его души.

Но отказаться он не мог. Слишком сильно тянуло к этому теплу, к этому голосу, к этой иллюзии смысла в бессмысленном мире.

Он убрал руку от кнопки. Оставил радио включенным.

— Хорошо, — прошептал он. — Давай посмотрим, сколько я еще помню.

Он закрыл глаза и позволил шуму войти в себя. На этот раз шум не казался ему пустым. В нем были голоса. Сотни голосов. Смеющихся, плачущих, любящих, умирающих. Голосов людей, которые жили, любили и теряли. И он был одним из них. Частью этого хора.

Барсик проснулся, подошел к радио и потерся щекой о теплый корпус. Кот мурлыкал, наслаждаясь вибрацией. Максим погладил его, чувствуя шерсть под пальцами. Это было реальное. Осязаемое. То, что у него еще не отобрали.

— Пока я помню тебя, Барсик, я в порядке, — сказал он коту.

Кот посмотрел на него зелеными глазами, полными древней мудрости, и снова закрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.